

Рот получил свободу, но Вэй Хо не закричал, как опасался мужчина, а просто сказал Цинь Хуаю:

— Лекарство приготовлено, отнеси его тётушке.

Цинь Хуай крикнул в ответ, устремив на него взгляд:

— Я скоро вернусь.

На кухне снова остались только двое.

Вэй Хо скосил глаза на лицо мужчины в простой одежде. Черты правильные, совсем не похож на какого-то преступника, разыскиваемого властями, но действовал он жестоко и решительно, так что у Вэй Хо не было никакой возможности сопротивляться.

Вэй Хо попробовал пошевелить руками и ногами. Верёвки были затянуты туго, врезались в тело, причиняя боль.

Он не выдержал:

— Можно послабее? Запястья болят.

Мужчина взглянул на него, но не ответил. Вэй Хо скривил губы, больше не проронил ни слова, молча ожидая возвращения Цинь Хуая.

В душе он не испытывал страха — возможно, потому, что в глазах того не читалось желания убивать.

Его ум в такой ситуации работал быстро: для беглеца лучший выбор — уладить дело и избежать беды, не причинять вреда, если можно, а убийство тем более не нужно, иначе привлечёшь солдат, зачем же тогда все эти мучения?

Примерно через время, за которое стораёт палочка благовоний, Цинь Хуай вернулся. Мужчина развязал верёвки на ногах Вэй Хо, и втроём они вошли в комнату.

Вэй Хо всё ещё помнил о недоконченном заучивании текста урока и попросил Цинь Хуая принести ему его книгу.

В комнате горела свеча. В странной позе со связанными руками Вэй Хо обнаружил, что заучивает текст даже быстрее, чем обычно, — удивительное дело.

Перед сном верёвки на его руках всё же развязали, но мужчина расположился у его ложа, не издавая звуков, молча сторожа, словно боясь, что тот сбежит.

Вэй Хо перевернулся на кровати, моргнул в темноте и тихо сказал:

— За что ты стал преступником, разыскиваемым властями?

В комнате воцарилась гробовая тишина. Вэй Хо уже подумал, что не дожждётся ответа, как тот прошептал:

— Меня оклеветали.

Вэй Хо промычал и быстро ответил:

— Если действительно оклеветали, то не о чем беспокоиться. Зло не одолеет добро, правда рано или поздно восторжествует.

Тот долго молчал, затем спросил:

— А ты не сомневаешься, что я просто болтаю зря? Может, я злодей, творящий беззакония, убийца по натуре, кто знает...

В его голосе звучала насмешка над собой. Вэй Хо дрогнул душой и тихо возразил:

— Тебе нет нужды обманывать меня. Я уже знаю, что ты разыскиваемый преступник, да и продержал ты меня связанным так долго. Даже если я не считаю тебя злодеем, добрым человеком тебя тоже не назову. Просто переночуешь в нашей комнате, на рассвете уйдёшь — к чему тратить силы на ложь?

Казалось, он не ожидал таких слов. В темноте человек обернулся, взглянул на него, затем быстро отвернулся.

— Спи скорее.

На следующее утро раздалось громкое пение петуха. Вэй Хо вскочил с постели — в комнате были только он и Цинь Хуай. Если бы не выброшенная под стол верёвка, он бы подумал, что всё произошедшее — всего лишь сон.

В конце апреля Цинь Цзэ неудачно поранил ногу мотыгой, и в конце концов односельчане принесли его обратно.

Тётушка Лю и жалела, и сердилась, перевязывая рану мужу и ворча:

— Глаза-то есть, а смотришь куда? Если бы ударил сильнее, мог бы и без ноги остаться. И как я одна буду кормить двоих детей?

Цинь Цзэ добродушно улыбнулся:

— Последние дни солнце палит нещадно, голова кружится, не разглядел. Впредь буду осторожнее, такого больше не случится.

Цинь Хуай стоял рядом и смотрел:

— Папа, несколько дней побудь дома, залечи рану, а мы с Хохо справимся в поле.

Тётушка Лю с упрёком посмотрела на Цинь Цзэ:

— Впредь будь осторожнее, работай не спеша, не торопись, будто на перерождение спешишь. Поспешишь — людей насмешишь.

Цинь Цзэ улыбнулся:

— Понял.

Вэй Хо, нагулявшись, вернулся и, узнав о травме Цинь Цзэ, сказал примерно то же, что и Цинь Хуай.

Когда он побежал на кухню готовить лекарство, тётушка Лю, сидя у изголовья, с чувством

произнесла:

— Эти двое пареньков становятся всё понятливее.

— Ещё бы, взрослеют.

— Если считать, то этой осенью уже пора отправлять их на провинциальный экзамен.

Цинь Цзэ вздохнул:

— Хохо ладно, просто любит побаловаться. А вот наш Ахуай не только сердцем не лежит к учёбе, но и мыслей об успешной сдаче экзамена и чиновничьей карьере не имеет.

— Не ему решать. Не учиться — значит, всю жизнь, как мы, прозябать в поле?

— Эх, это дело... Всё же смотреть надо, чего сами дети хотят. Мы ведь не можем по-настоящему решать за них...

Тётушка Лю похлопала его по спине, покачала головой и улыбнулась:

— На всё воля небес, не будем много думать. Просто будем поторапливать их как следует учиться.

Через пару дней Вэй Хо от Чжан Шэна узнал одну новость.

— Говоришь, таньхуа прислал сваху в нашу деревню Синхуа свататься? — Вэй Хо округлил глаза. — Не может быть!

Чжан Шэн оживлённо продолжил:

— Почему не может? Я сам от очевидцев слышал.

— Тот самый учёный, которого мы в тот раз в городе видели?

— Именно он. И сватается он не к кому-нибудь, а к Ма Сяюй, дочери дяди Ма. Не ожидал, да?

— Чжан Шэн серьёзно покачал головой. — И тут ещё одна прекрасная история есть!

— Какая история?

Чжан Шэн выложил Вэй Хо все слухи, которые ему удалось насобирать.

Говорили, что таньхуа по имени Цзян Чэн год назад встретил Ма Сяюй у реки Юй и получил от неё обратно свою нефритовую подвеску, которую нечаянно обронил.

Юношеские чувства только зарождались, но ему некогда было признаться — нужно было ехать в столицу на императорский экзамен. Теперь же, получив высокое место, он с почётом вернулся на родину и только тогда сообщил семье, чтобы та послала сватов.

Выслушав, Вэй Хо тоже удивился, подумал и сказал:

— Семья Цзян — знатная, не ожидал, что у них нет предрассудков насчёт положения.

Чжан Шэн покосился на него:

— А тебе-то что?

— Просто высказываюсь. Разве учитель не говорит постоянно, чтобы мы больше думали, размышляли, часто обсуждали текущие дела?

— ...А ты даже тексты уроков часто выучить не можешь...

Через два дня история о том, что к семье Ма приезжал свататься бывший таньхуа, разнеслась по всей деревне.

Во время перемены дети в школе обступили сына семьи Ма, Ма Тяня, младшего брата Ма Сяюй, наперебой задавая вопросы.

— Эй, Ма Тянь, твоя сестра правда замуж выходит?

На лице Ма Тяня появилось самодовольство:

— Хочешь знать? Тогда давай взятку!

— Ах ты, паршивец, — неохотно собеседник достал из кармана квадратную конфету в бумажке и протянул Ма Тяню. — Держи, теперь скажешь?

Ма Тянь положил конфету в рот, сладость заставила его причмокнуть, и он невнятно проговорил:

— Сваты правда приходили. Мои мать с отцом говорят, что он в будущем большим чиновником станет, и подталкивают сестру поскорее согласиться.

Вэй Хо спросил:

— Твоя сестра что, не хочет?

Ма Тянь почесал затылок:

— Она... Я не очень понял, но пока не согласилась.

— Будь она моей сестрой, обязательно бы женился! Это же таньхуа!

— Не знаю, что сестра думает...

— Все на свои места! — Чэнь Шу с нахмуренным лицом постучал указкой по деревянному столу. — Тексты уроков все выучили? Шумите, безобразие!

Все сразу притихли, послушно разошлись и сели на свои скамьи, взяв книги.

После уроков Вэй Хо, перекинув через плечо холщовую сумку, собрался уходить, как Чэнь Шу окликнул его.

— Учитель, что случилось?

Чэнь Шу положил перед ним листок грубой бумаги:

— Это стихотворение ты сам сочинил?

Вэй Хо взглянул и кивнул:

— Да, это ученика.

— Заключительное двустишие достойно похвалы.

Вэй Хо улыбнулся:

— Спасибо за похвалу, учитель.

Чэнь Шу поправил одежду, взглянул на него:

— Не задирай нос. Твои стихи и песни ещё ничего, толкование канонов тоже сносно, но в императорском экзамене на эти части баллов не много. Твои рассуждения и политические проекты оставляют желать лучшего.

Вэй Хо надул губы, тихо пробормотал:

— Не люблю пространные рассуждения, скучно.

— Хочешь стать чиновником? — спросил Чэнь Шу, искоса глядя на него.

Вэй Хо замер, затем честно ответил:

— Хочу.

— Хочешь быть чиновником, хорошим чиновником — должен заботиться о делах государства, о политике. Заставляют тебя писать так называемые пространные рассуждения, чтобы ты познал народную жизнь, постиг государственные дела и выработал собственные политические взгляды и понимание. Все хотят «утром быть деревенским парнем, вечером — в зале у императора», но легко прославиться пустым именем, а тех, кто истинно служит стране и народу, мало.

Вэй Хо зевнул, глаза стали влажными, и он кивнул. Чэнь Шу, видя его рассеянность, не стал продолжать, махнул рукой:

— Иди домой.

— До свидания, учитель!

Ещё через два дня вся деревня узнала, что дело брака Цзян Чэна и Ма Сяоюй уже решено. Дочь нашла прекрасную судьбу, Ма Юань, кого ни встретит, сияет улыбкой, полон радости и гордости.

<http://bllate.org/book/15583/1387617>